

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Д.П. Миртов

Философия «цельного знания»

Опубликовано:

Христианское чтение. 1900. № 11 С. 804-816.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Философія „цѣльнаго знанія“ ¹⁾).

ПОЛАГАЯ цѣль истинной философіи въ служеніи цѣли абсолютной, т. е. тому внутреннему единенію съ истинно-сущимъ, которое даетъ истинная религія, В. С. Соловьевъ, очевидно, держится не обычнаго въ научномъ мірѣ взгляда на философію. Дѣйствительно, опредѣляя понятіе философіи, онъ не соглашается съ мнѣніемъ тѣхъ, кто видитъ въ этой наукѣ область только теоретической дѣятельности, только «дѣло школы». Есть другой взглядъ на философію, по которому она—дѣло жизни, а потому уже школы, по которому она относится не къ одной только познавательной способности, но отвѣчаетъ также высшимъ стремленіямъ человѣческой воли и высшимъ идеаламъ человѣческаго чувства, имѣетъ т. о. не только теоретическое, но и нравственное и эстетическое значеніе, находится во внутреннемъ взаимодействіи со сферами творчества и практической дѣятельности, хотя и различается отъ нихъ.

Согласно такому взгляду, для философіи требуется не только умъ, но и особенное направленіе воли, т. е. особенное нравственное настроеніе, и, кромѣ того, художественное чувство и смыслъ, сила воображенія. Философія, понимаемая въ этомъ смыслѣ стремится быть образующею и управляющею силою жизни личной и общественной, ибо истина имѣетъ для нея не теоретическое только, но и жизненное значеніе. Въ пользу такого взгляда говоритъ между прочимъ, и этимологія слова «философія» такъ какъ *σοφία* означаетъ не только пол-

¹⁾ Продолженіе. См. „Хр. Чт.“. 1900. Октябрь.

ноту знанія, но и нравственное совершенство и цѣльность жизни, да и въ разговорномъ языкѣ философія понимается въ смыслѣ жизненномъ: философомъ иногда называютъ чело-вѣка не только мало ученаго, но и совсѣмъ необразованнаго, если только онъ обладаетъ нѣкоторымъ особымъ умственнымъ и нравственнымъ настроеніемъ ¹⁾).

Взгляда на философію какъ теорію держатся два философскихъ направленія: эмпиризмъ и раціонализмъ; типомъ же философіи, которая считаетъ себя не теорической сферой, а жизненной, является мистицизмъ. «Согласно этому воззрѣнію, истина не заключается ни въ логической формѣ знанія, ни въ эмпирическомъ его содержаніи, вообще она не принадлежитъ теоретическому знанію въ его отдѣльности и исключительности — такое знаніе не истинное. Знаніе истины есть лишь то, которое соотвѣтствуетъ волѣ блага и чувству красоты. Хотя опредѣленіе истины относится непосредственно къ сферѣ знанія, но никакъ не въ ея исключительности (которая уже есть не истина): это опредѣленіе должно принадлежать знанію лишь поскольку оно соглашается съ другими сферами духовнаго бытія; иными словами: истиннымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. самою истиною, можетъ быть только то, что вмѣстѣ съ тѣмъ есть благо и красота». Правда, существуютъ такъ называемыя истины, которыя доступны познавательной способности въ ея отдѣльности и отвлеченности, каковы, напр., истины формальныя и матеріальныя — эмпирическія. «Но истины перваго рода не дѣйствительны, второго — неразумны. Первыя нуждаются въ реализаціи, вторыя — въ осмысленіи. Настоящая же истина — цѣльная и живая сама въ себѣ заключаетъ свою дѣйствительность и свою разумность и сообщаетъ ихъ всему остальному» ²⁾).

Такую истину и имѣетъ въ виду мистицизмъ. Соловьевъ совершенно согласенъ съ тѣмъ взглядомъ на философію, котораго держится мистицизмъ: и по его мнѣнію она — не есть область только теоретическаго вѣдѣнія.

«Разумѣется, вообще говоря, цѣлью философіи можетъ быть только познаніе истины, но дѣло въ томъ, что сама эта истина, настоящая всецѣлая истина, необходимо есть вмѣстѣ

1) Ж. М. Н. П. 1877, 4. 236—237.

2) Ibid. 248.

съ тѣмъ и благо и красота и могущество, а потому истинная философія неразрывно связана съ настоящимъ творчествомъ и съ нравственной дѣятельностью»...¹⁾. «Цѣльное знаніе по опредѣленію своему не можетъ имѣть исключительно теоретическаго характера: оно должно отвѣчать всѣмъ потребностямъ человѣческаго духа, должно удовлетворить въ своей опредѣленной сферѣ всѣмъ высшимъ стремленіямъ человѣка. Отдѣлить теоретическій или познавательный элементъ отъ элемента нравственнаго или практическаго и отъ элемента художественнаго или эстетическаго можно было бы только въ тѣхъ случаяхъ, если бы духъ человѣческій раздѣлялся на нѣсколько самостоятельныхъ существъ, изъ которыхъ одно было бы *только* волей, другое — *только* разумомъ, третье — *только* чувствомъ. Но такъ какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ всегда и необходимо предметъ нашего познанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ нашей воли и чувства, то чисто теоретическое отвлеченнонаучное знаніе всегда было и будетъ праздною выдумкой, субъективнымъ призракомъ»²⁾.

Естественно, если при такомъ пониманіи философіи у В. С. Соловьева, послѣдняя является однимъ изъ служебныхъ средствъ къ религіи, какъ цѣли абсолютной. «Въ своей отдѣльности философія не можетъ дать человѣку ни блаженства, ни высшаго могущества, но истинная философія т. е. цѣльное знаніе, каковымъ является свободная теософія, и *не можетъ* быть отдѣльною отъ другихъ духовныхъ сферъ, вмѣстѣ же съ ними она достигаетъ той высшей цѣли, и какъ необходимый членъ общечеловѣческаго цѣлаго своимъ собственнымъ частнымъ развитіемъ и совершенствомъ обуславливаетъ совершенство этого цѣлаго, отъ котораго въ свою очередь сама зависитъ. Такимъ образомъ, хотя начала своего развитія свободная теософія можетъ полагать внутри своей теоретической сферы, но совершить это развитіе оно можетъ только совмѣстно и одновременно съ развитіемъ свободной теургіи и теократіи»³⁾.

Соглашаясь съ мистицизмомъ во взглядѣ на общій характеръ философіи, В. С. Соловьевъ примыкаетъ къ этому направле-

¹⁾ Ж. М. Н. П., 1877, 5—6, 202.

²⁾ Ж. М. Н. П. 77 г., 9—10, 79.

³⁾ Ж. М. Н. П. 1877, 5—6, 202.

нію философской мысли и въ другихъ отношеніяхъ; нужно сказать болѣе: на основѣ именно мистицизма при восполненіи его односторонностей, онъ построаетъ зданіе своей системы, естественно получающей отсюда религіозную окраску.

Если вмѣстѣ съ мистиками В. С. считаетъ истину достояніемъ не одного только ума, но и всего духовнаго существа человѣческаго, то съ мистиками же онъ согласенъ въ томъ, что такое эта истина и гдѣ искать ее. Попытки другихъ философскихъ направленій—отвѣтить на этотъ вопросъ не увѣнчались успѣхомъ и привели къ полному скептицизму: одинъ только мистицизмъ стоитъ въ этомъ случаѣ на вѣрномъ пути.

Самое общее опредѣленіе истины: истина—то, что есть или существуетъ. Болѣе точное опредѣленіе приводитъ насъ къ тому, что «со стороны бытія истина (точнѣе истинное или истинно сущее) есть вещь, т. е. то что существуетъ само по себѣ *вне субъекта* и независимо отъ него, — истина есть тоже, что реальность; со стороны же знанія, соотвѣтственно этому, истина какъ реальность есть *объективно познаваемое*, т. е. то, что субъектъ находитъ въ себѣ какъ данное или испытываетъ какъ независимо отъ него существующее. Истинность знанія опредѣляется здѣсь собственнымъ бытіемъ его предмета или внѣшнею реальностью: истинно лишь такое знаніе, въ которомъ мы испытываемъ бытіе другого или подлежить этому бытію какъ своему непосредственному предмету. Такимъ образомъ, критерій истины полагается здѣсь внѣ насъ, внѣ познающаго, въ независимой отъ него реальности внѣшняго предмета» ¹⁾). Такова точка зрѣнія отвлеченнаго реализма.

Но признавая съ точки зрѣнія реализма настоящимъ предметомъ истиннаго знанія внѣшній реальный міръ, мы не можемъ однако приписывать истинное бытіе этому міру въ его непосредственной испытываемой нами дѣйствительности, въ измѣнчивомъ и сложномъ многообразіи его частныхъ явленій. Вещи имѣютъ истинное бытіе не въ своей отдѣльности, а равно и не въ своей внѣшней совокупности, а въ своей *единой основѣ* общей для всѣхъ и такимъ образомъ предметомъ знанія является *природа вещей*. Принципъ реализма

¹⁾ Кр. о. н. 207—208.

получаетъ отсюда ближайшее опредѣленіе какъ принципъ *натурализма* ¹⁾.

Но если, такимъ образомъ, что признается натурализмомъ какъ истинно сущее, именно: общая природная основа или матерія всѣхъ вещей, ограничивается исключительно внѣшнимъ міромъ и есть для субъекта нѣчто по необходимости внѣшнее, то и доступна она можетъ быть субъекту лишь чрезъ внѣшнее воспріятіе, онъ можетъ узнать о ней только изъ внѣшняго опыта.

Но эта данная въ нашемъ воспріятіи реальность, выражаетъ ли она собственное существо, субстанцію вещей, или же только ихъ отношеніе къ нашему субъекту, ихъ дѣйствіе на него и въ немъ,—вотъ вопросъ, который составляетъ точку раздѣленія между двумя главными видами реализма: догматическимъ, который рѣшаетъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, и критическимъ, который, критически разсматривая всѣ данныя нашего дѣйствительнаго познанія о вещахъ, утверждаетъ, что эти данныя показываютъ не то, какъ эти вещи суть, а лишь какъ онѣ намъ являются, такъ что мы собственно и познаемъ не вещи, а *явленія*, и все то, что дано въ нашемъ опытѣ и что мы называемъ реальностью, есть лишь явленіе. Критическій (или феноменальный) реализмъ характеризуется прежде всего какъ сенсуализмъ, потомъ какъ эмпиризмъ и, наконецъ какъ позитивизмъ ²⁾.

Для того, чтобы наше познаніе было истиной, оно должно представлять не одну дѣйствительность или реальность существующаго, а его *смыслъ* или *разумъ*. Въ истинномъ познаніи намъ долженъ открываться общій смыслъ или разумъ вещей (*ratio rerum—ὁ λόγος τῶν ὄντων*), мы должны познавать каждый предметъ въ его отношеніи *ко всему*, т. е. мы должны знать мѣсто, положеніе и значеніе, которое данный предметъ занимаетъ въ общемъ порядкѣ или планѣ *всего существующаго*. Разумъ или смыслъ вещи состоитъ именно въ ея отношеніи *ко всему*, причемъ подъ *всѣмъ* должно разумѣть не внѣшнюю совокупность или сумму всѣхъ вещей и явленій, каковая сумма всегда остается неопредѣленною, а должно разумѣть *все* какъ нѣкоторое *единство*, т. е. должно при-

¹⁾ Кр. о. н. 225—226.

²⁾ Кр. о. н. 251—252; 256—259.

знать нѣкоторое единое начало общее всѣмъ вещамъ, обнимающее собою все дѣйствительное и все возможное бытіе и превращающее неопредѣленную множественность вещей въ одно опредѣленное, въ себѣ замкнутое «все». Такимъ образомъ, истинное знаніе возможно только подъ формой разумности или *всеединства*, т. е. его истинность опредѣляется не реальностью его содержанія, а разумностью формы т. е. отношеніемъ этого содержанія ко всеединому началу. Но разумность познаваемаго не можетъ быть дана опытомъ представляющимъ только частную и множественную дѣйствительность; она постигается разумомъ же или смысломъ познающаго субъекта; отношеніе днаго предмета ко *всему* можетъ существовать для насъ лишь, поскольку въ насъ самихъ есть принципъ *всеединства*, т. е. разумъ; иначе мы въ своемъ познаніи ограничивались бы, подобно остальнымъ животнымъ, непосредственно насъ касающеюся дѣйствительностью частныхъ предметовъ и явленій. Такимъ образомъ, мѣрило истины переносится изъ внѣшняго міра съ самого познающаго субъекта, основаніемъ истины признается не природа вещей и явленій, а разумъ человѣка. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ принципъ *раціонализма*, который въ исторіи философіи обнаружилъ себя какъ раціонализмъ *догматическій, критическій и абсолютный* (ставящій себѣ задачею все познаваемое вывести изъ чистой формы познанія, т. е. изъ чистаго понятія ¹⁾).

Критическое разсмотрѣніе отвлеченнаго реализма и отвлеченнаго раціонализма приводитъ В. С. Соловьева къ выводу, что ни тому, ни другому не доступно познаніе истины. Первый въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приходитъ къ утвержденію: все есть явленіе, второй—къ утвержденію: все есть понятіе. «И оба воззрѣнія, проводя свои логическіе принципы до конца, должны получить одинъ и тотъ же отрицательный результатъ, должны придти къ чистому ничто.

И во-первыхъ, что такое явленіе? Всякое влеченіе сводится къ видоизмѣненіямъ познающаго субъекта къ состояніямъ нашего сознанія и, слѣдовательно, не можетъ имѣть притязанія ни на какую-нибудь иную реальность кромѣ той, какую имѣютъ и всѣ остальные видоизмѣненія субъекта, какъ то: желанія, чувства, мысли и т. д. Такимъ образомъ, исче-

¹⁾ Кр. о. н. 294—301.

заеть противоположеніе внутренняго и внѣшняго опыта; нельзя уже говорить о внѣшнихъ предметахъ и о нашихъ психическихъ состояніяхъ какъ о чемъ-то противоположномъ другъ другу, потому что и внѣшніе предметы, какъ оказывается, суть въ дѣйствительности наши психическія состоянія и ничего болѣе; все одинаково есть явленіе, т. е. видоизмѣненіе нашего субъекта, то или другое состояніе нашего сознанія. Это относится не только къ такъ называемымъ одушевленнымъ предметамъ, но и къ предполагаемымъ субъектамъ внѣ насъ... И самого себя я эмпирически нахожу не иначе какъ въ состояніяхъ своего сознанія, слѣдовательно, и себя самого я долженъ признавать лишь за состояніе моего сознанія; но это нелѣпо, потому что «мое» сознаніе уже предполагаетъ «меня» какъ субъекта; остается, слѣдовательно, допустить, что существуютъ явленія сознанія, но не моего, такъ какъ меня нѣтъ, а сознанія вообще, безъ сознающаго, равно какъ и безъ сознаваемаго. Существуютъ явленія сами по себѣ, представленія сами по себѣ; но это прямо противорѣчитъ логическому смыслу этихъ терминовъ: явленіе, въ противоположность сущему въ себѣ, именно и значить лишь то, что не есть само по себѣ, а существуетъ только для другого; точно тоже значить и представленіе. Если же этого другого, представляющаго, нѣтъ, то не можетъ быть и представленія, нѣтъ и явленія, все сводится къ какому-то безразличному, пустому и никакого отношенія ни къ чему другому, такъ какъ другого нѣтъ, не имѣющему бытію, къ бытію безъ всякаго опредѣленія, и потому ничѣмъ не отличающемуся отъ чистаго ничто.— Совершенно такой же отрицательный результатъ представляетъ намъ и отвлеченный рационализмъ въ своей окончательной формѣ... Этотъ послѣдній исходилъ изъ того убѣжденія, что все имѣетъ дѣйствительность только въ понятіи, что все существуетъ, лишь поскольку понимается или мыслится. Но если все имѣетъ подлинное бытіе только въ понятіи, то и самъ познающій субъектъ не можетъ составлять исключенія, и онъ существуетъ только въ своемъ понятіи, есть не что иное какъ понятіе. Сами же эти понятія, образующія все существующее, не могутъ, такимъ образомъ, быть понятіями мыслящаго субъекта, ибо онъ самъ есть только одно изъ понятій; они суть сами по себѣ безъ субъекта также какъ и безъ предмета. Все есть чистое понятіе, т. е. понятіе безъ пони-

мающаго и безъ понимаемаго, мысль безъ мыслящаго и мыслимаго; все существуетъ *actu puro*, въ чистомъ безразличномъ бытіи, равномъ небытію, подобно тому какъ и для отвлеченнаго реализма все разрѣшилось въ представленіе безъ представляющаго и безъ представляемаго, въ такое же безразличное чистое бытіе или ничто... Такимъ образомъ и реальный и рациональный факторы нашего познанія суть лишь безразличныя сами по себѣ формы, нисколько не опредѣляющія собою существенной истины познаваемаго. Ибо предметъ не становится истиннымъ отъ того, что я его ощущаю, или отъ того, что я его мыслю, я могу ощущать и мыслить также и не истинное. Ни реальный опытъ, ни нашъ разумъ не могутъ дать намъ основанія и мѣрила истины. Относительная реальность предмета для меня, въ моихъ ощущеніяхъ, нисколько не ручается за безусловную реальность въ немъ самомъ, и относительная разумность (общность и необходимость) предмета въ моемъ мышленіи или для моего разума не ручается за его безусловную разумность въ немъ самомъ, за его объективную всеобщность и необходимость (всеединство). Понятіемъ истины требуется безусловная реальность и безусловная разумность; истина не можетъ быть отношеніемъ, а есть то что дано въ отношеніи, то, къ чему субъектъ нашъ относится. Не истина опредѣляется нашимъ отношеніемъ къ ней, а напротивъ то или иное отношеніе къ предмету (въ чувствѣ или мысли), чтобы быть истиннымъ, должно опредѣляться безотносительною истиною предмета. Если мы въ своемъ познаніи находимся во взаимодействіи съ предметомъ въ его истинѣ, т. е., во всеединствѣ, то наше познаніе будетъ истиннымъ по содержанію, какую бы частную форму оно не принимало. Если мы испытываемъ или ощущаемъ внутреннее единство всѣхъ предметовъ, то наше ощущеніе, нашъ опытъ будутъ истинными не потому, что это наше ощущеніе или нашъ опытъ, ибо всякій опытъ самъ по себѣ, т. е. нашъ *только* опытъ, отвлеченно отъ своего содержанія, есть только фактъ единичный и случайный, ничего не говорящій объ истинѣ,—а потому, что это есть извѣстнаго рода опытъ, именно такой, въ которомъ мы испытываемъ дѣйствіе предмета въ его истинѣ или реально относимся, реально связаны съ истиннымъ предметомъ; и если, затѣмъ, мы полученное такимъ истиннымъ опытомъ содержаніе сдѣлаемъ предметомъ нашихъ мыслей, нашего разума,

если это содержаніе будетъ облечено въ форму понятій, то наше мышленіе, наши понятія будутъ истинными, и не потому, что это наши мысли и понятія, ибо сами по себѣ наши мысли и понятія, отвлеченно взятыя, суть только пустыя субъективныя формы, безразличныя къ истинному и неистинному, а потому, что это суть мысли и понятія объ истинѣ или имѣющія истинное содержаніе, данное истиннымъ опытомъ.

Итакъ, для истиннаго познанія необходимо предположить бытіе его предмета, т. е. истинно сущаго или всеединого, и его дѣйствительное отношеніе къ намъ—къ познающему субъекту, необходимо признать, что начало всеединства или то единое, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и все или содержать въ себѣ все, что оно существуетъ для насъ не какъ пустая форма только или способъ возрѣнія нашего разума, а въ своей собственной безусловной дѣйствительности или какъ истинно сущее. Это начало какъ всеединое, не можетъ быть безусловно внѣшнимъ для познающаго субъекта, оно должно находиться съ нимъ во внутренней связи, въ силу которой и можетъ быть имъ дѣйствительно познаваемо, и въ силу этой же связи субъектъ можетъ быть внутренно связанъ и со всѣмъ существующимъ, какъ заключающимся во всеединомъ, и дѣйствительно познавать это все. Только въ связи съ истинно сущимъ какъ безусловно реальнымъ и безусловно-универсальнымъ (всеединымъ) могутъ явленія нашего опыта имѣть настоящую реальность и понятія нашего мышленія настоящую, положительную универсальность, оба эти фактора нашего познанія сами по себѣ, въ своей отвлеченности, совершенно безразличныя къ истинѣ, получаютъ такимъ образомъ свое истинное значеніе отъ третьяго, религіознаго начала»¹⁾.

Вотъ цѣпь мыслей, приводящихъ В. С. Соловьева къ признанію того, что изъ существующихъ философскихъ направленій единственнымъ, ведущимъ къ истинѣ, является мистицизмъ.

«Должно признаться, что истинно сущее имѣетъ свою собственную абсолютную дѣйствительность, совершенно независимую отъ реальности внѣшняго вещественнаго міра,

¹⁾ Кр. о. н. 302—306.

также какъ и отъ нашего мышленія, а, напротивъ, сообщающую этому внѣшнему міру его реальность, а нашему мышленію его идеальное созерцаніе. Возрѣніе, признающее въ качествѣ истинно сущаго такое сверхкосмическое и сверхчеловѣческое начало,—и притомъ не въ образѣ только отвлеченнаго принципа (какимъ оно является напр., къ картезіанскомъ и вольфовскомъ деизмѣ), а со всею полнотою его дѣйствительности—такое возрѣніе выходитъ за предѣлы школьной философіи и рядомъ съ двумя типами ея (реализмъ и рационализмъ) образуетъ третій особенный типъ умосозерцанія, обыкновенно называемый *мистицизмом* ¹⁾. «Предметъ мистической философіи есть не міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а живая дѣйствительность существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ; эта философія занимается не внѣшнимъ порядкомъ явленій, а внутреннимъ порядкомъ существъ и ихъ жизни, который опредѣляется ихъ отношеніемъ къ существу первоначальному. Разумѣтся, и мистицизмъ, какъ всякая философія, движется въ идеяхъ и мысляхъ, но онъ знаетъ, что эти мысли имѣютъ значеніе лишь посколькѣ относятся къ тому, что чрезъ нихъ мыслится и что уже само не есть мысль, а болѣе мысли. Школьная философія или смѣшиваетъ сущее съ тѣмъ и другимъ видомъ бытія, т. е. представленія, или же отрицаетъ познаваемость сущаго. Мистическая философія, съ одной стороны, знаетъ, что всякое бытіе есть лишь образъ представленія сущаго, а не само оно; съ другой, противъ скептическаго утвержденія, что человѣкъ ничего не можетъ знать, кромѣ представленія, она указываетъ на то, что человѣкъ есть самъ болѣе, чѣмъ представленіе или бытіе и что т. о. даже не выходя изъ самого себя, онъ можетъ знать о сущемъ ²⁾).

Возрѣніе мистицизма на истину и на ея познаніе В. С. Соловьевъ находитъ правильнымъ, притомъ единственно допустимымъ, если кто только не желаетъ остаться при скептическихъ выводахъ. «Мистицизмомъ заключается кругъ возможныхъ философскихъ возрѣній, ибо очевидно, что искомое философіи можетъ имѣть свою дѣйствительность или во внѣш-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1877, 4., 248.

²⁾ Ibid. 249.

немъ міръ, т. е. въ познаваемомъ объектѣ, или въ насъ — въ познающемъ субъектѣ, какъ таковомъ, или наконецъ, въ бытіи, независимо ни отъ насъ, ни отъ внѣшняго міра. Четвертое предположеніе невысказано. И если два первыя воззрѣнія, образующія школьную философію не могутъ быть приняты, потому что сами себя уничтожаютъ, то намъ остается или вообще отказаться отъ исканія истины или принять третье воззрѣніе какъ *основу* истинной философіи ¹⁾). Признавая мистическое направленіе философіи единственно истиннымъ, В. С. Соловьевъ однако не привмаетъ его во всей цѣлости. Онъ находитъ и въ мистицизмѣ односторонность, которую необходимо восполнить.

«Мистическое знаніе можетъ быть только *основой* истинной философіи, подобно тому, какъ внѣшній опытъ служить основой философіи эмпирической, а логическое мышленіе — основой рационализма, но само по себѣ мистическое знаніе не образуетъ системы истинной и синтетической философіи, того, что я назвалъ цѣльнымъ знаніемъ и свободной теософіей. Эта система по самому понятію своему должна быть свободна отъ всякой исключительности и односторонности, между тѣмъ какъ мистицизмъ отдѣльно взятый, можетъ быть и дѣйствительно является исключительнымъ, утверждая одно только непосредственное знаніе, имѣющее форму внутренней безусловной увѣренности. Разумѣется, на такой увѣренности и должно основываться истинное знаніе, но, чтобы быть полнымъ и цѣльнымъ, оно не должно на этомъ останавливаться (какъ это дѣлаетъ исключительный мистицизмъ): ему необходимо еще, во первыхъ подвергнуться рефлексіи разума, получить оправданіе логическою мыслью, а во вторыхъ, получить подтвержденіе со стороны эмпирическихъ фактовъ. Отвергая ложные принципы и нелѣпыя заключенія эмпиризма и рационализма, истинная философія должна содержать въ себѣ объективное содержаніе этихъ направленій въ качествѣ вторичныхъ и подчиненныхъ элементовъ. Ибо если цѣльное знаніе вообще есть синтезъ философіи съ теологіей и наукой, то, очевидно, этому широкому синтезу долженъ предшествовать соответствующій ему болѣе тѣсный синтезъ въ средѣ самой философіи, именно между тремя ея направленіями:

¹⁾ Ibid. 249.

мистицизмомъ, раціонализмомъ и эмпиризмомъ. Аналогія здѣсь несомнѣнна: мистицизмъ соотвѣтствуетъ теологіи, эмпиризмъ — положительной наукѣ, а раціонализму принадлежитъ собственно отвлеченный философскій характеръ, поскольку онъ ограничивается чистымъ философскимъ мышленіемъ, тогда какъ мистицизмъ ищетъ опоры въ данныхъ религіи, а эмпиризмъ въ данныхъ науки.

Въ системѣ цѣльнаго знанія или свободной теософіи взаимное отношеніе трехъ философскихъ элементовъ опредѣляется указанною аналогіею. Мистицизмъ по абсолютному своему характеру имѣетъ первенствующее значеніе, опредѣляя верховное начало и послѣднюю цѣль философскаго знанія; эмпиризмъ по матеріальному своему характеру служитъ внѣшнимъ базисомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ примѣненіемъ и реализаціей высшихъ началъ и наконецъ, раціоналистическій, собственно философскій элементъ по своему преимущественно формальному характеру является какъ посредство и общая связь системы.

Ясно, что свободная теософія или цѣльное знаніе не есть одно изъ направленій или типовъ философіи, а должно составлять высшее состояніе всей философіи какъ во внутреннемъ синтезѣ трехъ ея направленій; эмпиризма, раціонализма и мистицизма, такъ равно и въ болѣе общей и широкой связи съ теологіею и положительною наукою» ¹⁾. Только такой синтезъ можетъ заключать въ себѣ цѣльную истину знанія; внѣ его и наука и философія и теологія суть только отдѣльныя части или стороны, оторванные органы знанія и не могутъ быть, такимъ образомъ, ни въ какой степени адекватны самой цѣльной истинѣ. Достигнуть искомага синтеза можно отправляясь отъ любого изъ членовъ. Если теософія опредѣляется какъ цѣльное знаніе, то въ особенности она можетъ быть обозначена какъ цѣльная наука, или какъ цѣльная философія или, наконецъ, какъ цѣльная теологія. В. С. Соловьевъ отправляется отъ философіи, имѣя въ виду показать, что «истинная философія необходимо должна имѣть теософическій характеръ и что она можетъ только тѣмъ, что я называю цѣльнымъ знаніемъ или свободной теософіей» ²⁾, — именно свободной, т. е. такой, въ которой составляющіе ее

¹⁾ Ibid. 250—251.

²⁾ Ж. М. Н. П. 1874, 4. 235.

элементы находятся въ свободномъ внутреннемъ единствѣ, не порабощены одинъ другимъ и не находятся въ состояніи слитности и безразличія ¹⁾).

Выступая съ опытомъ такой системы, В. С. обнаруживаетъ во всемъ блескъ свой синтетическій и систематизаторскій талантъ.

Д. Миртовъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Ibid. 251; ср. кр. о. п. 395—397.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки